

История в лицах

ГОЛОДНОЕ ДЕТСТВО

СЕМЬЯ
НАЦИОНАЛЬНЫЕ
ПРОЕКТЫ
РОССИИ

Когда беседеешь с земляками, чьё детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, поневоле задумаешься, как изменилась жизнь за последние восемьдесят лет. Сегодня мы выбрасываем вышедшую из моды одежду – а в ту пору вещи латали до тех пор, пока они не превратятся в ветхость. Мы подолгу стоим у прилавков с продуктами, не зная, на чём остановить выбор – а тогда радовались любым крохам, лишь бы заглушить голод.

Кто-то скажет: «Зачем ворошить прошлое? С тех пор столько воды утекло». Но как иначе мы сможем научиться ценить то, что у нас есть? Как иначе мы сохраним уважение к ветеранам – таким, как Пелагея Пьянкова, которой посвящена эта публикация? Как иначе мы сблизим связь поколений, позволяющую каждому из нас оставаться русским человеком в самом широком смысле этого слова?

Совесть не позволяла отказать

Пелагея Павловна родилась в 1940 году в деревне Коптяки Сенькинского сельсовета, в семье Татьяны и Павла Чирковых. Несмотря на то, что в пору военного лихолетья она была совсем маленькой, её память запечатлела множество испытаний. Да и первые мирные годы запомнились ей голодом, холодом, неустроенностью, которые оставались неизменными приметами жизни даже в глубокую тылу.

С началом войны Павла Чиркова мобилизовали. Домой он уже не вернулся – погиб на поле боя в 1943 году. Молодая вдова вместе с дочкой переехала в Ильинский район, в деревню Сидорята Филатовского сельсовета поселения, и там вышла замуж во второй раз. В новом браке родилось ещё восемь детей.

Пелагея Павловна со слезами вспоминает о голоде и холоде, от которых не было спасения.

– Ох и тяжело нам пришлось! Есть было нечего. Ели траву: листочки, лебеду, клевер. Мы держали корову и козу, но молоко видели редко – делились с соседями, чтобы они не умерли с голоду. Совесть не позволяла отказать... Вместо хлеба мы пекли лепёшки из картошки, нарезанной с травой. Зимой ели замороженную картошку, которую находили на полях, да ещё то, что маме удалось припрятать с осени.

Мать работала с пяти утра до одиннадцати вечера – все мужики были на войне, и женщинам пришлось трудиться и за них, и за себя. По сути, дети росли без родительского прищипа.

Кукла баская, с вышивкой

– Одежды у нас тоже толком не было, – Пелагея Павловна старательно вытирает слёзы морщинистой рукой. – Дед, мамин отец, выделал овечью шкуру и шил нам из неё шубу – она вышла долая, до самых пят, только пальцы вылали, и тяжеленая. Из той же овчины шили исподки (*варежки*, – Прим. авт.) и обулки. Дед, Павел Васильевич Лобанов, был

раскулаченным кушом, жил на выселках в Аверино. Не попали он под репрессии, глядишь, и нам бы жилище полегче.

Мне как самой старшей приходилось выпанывать новорождённых братьев и сестёр из рога телёнка – туда наливали ополоски молока и поили малышей. А ещё мы делали соску из тряпицы: нажёвывали хлеб из картошки и траву, складывали в эту тряпицу. Перевязывали у основания в маленькую горшину, под вид материнского соска, и давали ребёнку. Спали мы на полатки, вместо матрасов использовали крапиву или ветки ивы. А о постельном белье и не слышали.

Зимой нам приходилось таскать снег. Растает он – вот тебе и питьё, и вода для бани. Бани топились по чёрному. Плошки со снегом мы ставили на каменку – что натопится, тем и мылись. Ну

как мылись – ополоснуться только хватало. А летом воду с речки носили.

Вместо игрушек у нас были скрученные тряпицы, на которых утём из печки рисовали глазки, нос да рот. Помню, девчонки ко мне пришли и хвастаются своими куколками. Мне захотелось сделать себе такую же. Взяла у матери гарусовую рубашку, которую мать сама вышивала (*гарус* – шерстяная или хлопчатобумажная ткань, – Прим. авт.), разрезала её и наизвертела себе игрушку. Уж больно баская получилась кукла – с вышивкой.

Вот так и жили...

Пасть огромная, зубами клавает

Когда Пелагея подросла, она с другими детьми пошла в школу в Аверино. Путь пролегал по мостику через Гаревую. Ходить по нему было страшно – старшие девчонки специально пугали

малышей, расхатывая его.

– Помню, я специально пряталась, ждала, когда они пройдут, чтобы с ними не столкнуться. Позднее нас перевели в школу в Филатово, – продолжает рассказ Пелагея Павловна.

Ходить приходилось пешком, даже в лютую стужу. Путь был неблизкий – не менее пяти километров в одну сторону. Зимы стояли суровые, леса изобиловали зверьём:

– Однажды зимой шла я в школу одна, без других ребятшек, а мне навстречу выбежала става собак. Серые такие, смотрят на меня, а я на них. Не знаю, сколько мы так простояли, но замёрзла я сильно. Потом они убежали, а я пришла в школу с опозданием. Только потом мне объяснили, что это были волки. С тех пор я навсегда запомнила, что у собак хвост сверху загнут, а у волков – книзу.

Помню ещё: с братьями пошла на Гаревую зимой на рыбалку. Снастей у нас не имелось, поэтому решили ловить с помощью клаской сетки. Вот закинули её в прорубку и поймали щуку – до того большую, что она в лунку не пролезала, сантиметров двадцать в диаметре! Расширять лунку опасно – лёд зыбкий. Еле-еле мы вытащили эту рыбку – пасть огромная, спина чёрная, как

потом уже, после строительства и залуска Камской ГЭС в 1954 году, всё затошило, и река стала широкой.

От бабушки Пани с любовью

После четвёртого класса Пелагея пришлось идти работать на ферму, чтобы помогать семье – учёба в школе на этом закончилась. Она устроилась в колхоз в Филатово дояркой и получала за работу три рубля в месяц. В шестнадцать лет уехала в Комаринку, там же познакомилась с будущим мужем. Родила и вырастила двух дочек.

Пережитые в детстве невзгоды не сломили жизнелюбия Пелагеи Павловны: она в молодости была активной, спортсменкой, депутатом, а ещё – настоящей красавицей. За трудовые заслуги она награждена медалью Выставки достижений народного хозяйства и медалью победителя социалистических соревнований. На пенсию вышла с почётным званием «Ветеран труда».

Сейчас бабушка Пани, как её называют в семье, живёт с дочерью в Филатово в тепле и заботе. Она с удовольствием вяжет и вышивает – рукоделию её ещё в детстве научила мать, и дарит созданные ею вещи своим близким. Она старается не вспо-

сажа, зубами клавает, на нас пытается броситься. Пришлось её волочить до дома несколько километров – мы шли в гору по глубокому снегу. Не хватало у нас силёнок – отправили одного из братьев домой за матерью, чтобы помогла дотащить это чудовище.

Ещё мы молили рыбацить в Аверино. Река была узкой – метра два-три всего. Это

минуть о голоде и холоде, но искренне жочет, чтобы никто из живущих ныне людей не испытал и сотой части тех бед, что выпали на её долю в годы военного лихолетья и сразу после войны.

Публикация создана в рамках реализации федерального проекта «Старшее поколение» нацпроекта «Семья» при поддержке Минцифры РФ

Евгения БАЛЧУГОВА